

Г.В. Зыкова

Пушкин и Шевырев: к проблеме «московской школы»

Как известно, в конце 1820-х гг. Шевырев претендовал на роль лидера «московской школы», составлявшей оппозицию школе «петербургской», младокарамзинистской, господствовавшей в литературе.

В письме Дельвига Баратынскому от 1828 г., когда речь заходит о литераторах из «Московского вестника», появляется собирательное «мальчишки Шевыревы»: «Как это ты, живучи в Москве, не приучил к повиновению мальчишек Шевыревых и им подобных? <...> Не худо сказать им, что с должным почтением не оценив отживших и современных писателей, нельзя кидать взора на будущее, или он будет недалновиден»¹. Здесь любомудры обвиняются в том неуважении к авторитетам, которое Пушкин считал отличительной чертой московских журналистов (от Каченовского до В. Одоевского и Белинского). Главный авторитет — авторитет Пушкина. И понятно, что имена Пушкина и Шевырева постоянно сталкиваются — и у современников, и у позднейших исследователей.

Сопоставление Пушкина и Шевырева — один из постоянных мотивов в письмах Погодина к Шевыреву (самого себя Погодин тоже то и дело ревниво сравнивает с Пушкиным). Например, в письмах 1830 г. от 15 мая: «Пушкина вообще ругают теперь так, как тебя не ругивали. Довольно ли?»; от 23 марта: «Мне очень жаль, что эти площадные брани его слишком трогают, как бывало тебя» и от 22 сентября: «Но вот тебе важнейшее завещание: напиши непременно трагедию «Борис Годунов». Он не виноват в смерти Димитрия: в этом я убежден совершенно <...> Надо же снять с него опалу, наложенную кроме веков Карамзиным и Пушкиным»².

Имена Шевырева и Пушкина сталкивает Раич в рецензии на «Денницу»: по его мнению, талант Шевырева оценен недостаточно, потому что непомерно раздутая слава Пушкина мешает разглядеть что бы то ни было другое в русской литературе. Например, в «Деннице» «А. Пушкин открывает шествие опоздавшим Годуновым, за ним прочие, а Шевыреву едва отведено местечко на последней странице»³.

Возможно, притязания Шевырева до некоторой степени раздражали Пушкина; позволим себе высказать предположение, что именно боязнью усиления Шевырева объясняются определенные стороны литературной политики Пушкина в 1827 г. Как известно, в августе 1827 г. В. Титов и В. Одоевский, недовольные стремлением Погодина к единовластию в «Московском вестнике», потребовали от него взять в соредакторы Шевырева⁴; неизвестно, какие слухи об этом дошли до Пушкина, но 31 августа он писал Погодину: «Ради Бога, не покидайте «Вестника»; на будущий год обещаю Вам безусловно деятельно участвовать в его издании» и прочее крайне благосклонно.

Шевырев и сам чувствует себя способным говорить с Пушкиным почти на равных: для провозглашения своего литературного манифеста он выбирает форму послания к Пушкину (1830). Творческая полемика, однако, особенно хорошо смотрится на фоне дружеских личных отношений, и о них заботились обе стороны⁵.

Соперничество с Пушкиным и в то же время постоянная оглядка, ориентация на Пушкина в значительной степени организовали творчество Шевырева. Отношения «московской школы» с Пушкиным, во многом подобные отношениям Пушкина с младоархаистами, сложны и не сводятся к противостоянию. Нас будет занимать вопрос, не вполне еще, как кажется, проясненный: как Шевырев в своей попытке реформы поэтического языка пытался опереться на опыт Пушкина.

Выступая против господствовавшего, но уже потерявшего действенность поэтического языка, восхитившего к «среднему штилю» карамзинистов, Шевырев ругал его, между прочим, за то, что этот язык имел сугубо письменную, т. е. мертвую, природу. Обосновывая свой перевод октав из «Освобожденного Иерусалима» Тассо с переборами ритма, Шевырев писал: «Да нет ничего естественнее речитатива в голосе человеческом. Если вы хотите сказать что-нибудь ясно, вы скажете как будто по складам, т. е. нараспев. Может быть, иного соблазнит то, что я привожу доказательства из мира самого грубого, из явлений самых обыкновенных: ему бы лучше цитаты из книг. Но да вспомнит он, что я говорю о живом предмете, о языке, а книги мертвы...»⁶; «Гнедич перевел Илиаду каким-то письменным, деловым языком. Все образцы взяты из казенных бумаг: *если — то, чтобы*; недостает только *понеже* и *поелику*... Видно, что Гомер грамматике не учился, а следовал употреблению. Гнедич же везде хочет быть правильным — и тем страшнее выходят у него не-правильности»⁷.

Пушкин для Шевырева — одновременно и главный противник, придавший русскому стиху губительную «гладкость» (это почти прямо заявлено в «Послании А.С. Пушкину» 1830 г.), и авторитетный союзник, сближающий поэзию — в соответствии с убеждениями самого Шевырева — с живой разговорной речью. «Обращу внимание читателей на сцену Мамки и Ксении в Борисе Годунове. Поэт, вникший слухом в звуки народные, понял музыку русского языка: весь разговор Мамки и Ксении есть речитатив. Это разыграть иначе нельзя, как произнося нараспев, т. е. как читает сам поэт»⁸. Шевырев претендует на то, чтобы, следуя за Пушкиным, быть радикальнее его.

Позиция Шевырева здесь — очень характерная для любомудра, впоследствии близкого к славянофильству. Именно люди этого круга, восприняв шеллингианское понятие органической формы, объяснили эстетический смысл «небрежности», «естественности», особенно внятно — в середине века, после книг С. Аксакова, окончательно «освободившегося» «от художественной преднамеренности» (Хомяков). Но впервые о «небрежности» как высшем типе художественности любомудры заговорили по поводу Пушкина. В 1828 г. Погодин писал в «Московском вестнике»: «В Атенее кто-то напечатал множество ошибочных выражений в *Онегине*. — Читал ли г. критик, занимаясь старыми своими грамматиками, прочие стихотворения Пушкина? Заметил ли он, что у Пушкина особое достоинство — верность и точность выражения, и что это достоинство принадлежит ему предпочтительно пред всеми нашими поэтами? Пушкин, следовательно, мог, если бы захотел, избежать тех ошибок, в которых его упрекают (впрочем, из замеченного только 1/10 справедливо), но у него именно, кажется, было целию оставить на этом произведении печать совершенной свободы и непринужденности. Он рассказывает вам роман первыми словами, которые срываются у него с языка, и в этом отношении *Онегин* есть феномен в истории русского языка и стихосложения.

К нему удачно можно применить, что Тасс говорит о Софронии:

Non sai ben dir, s'adorna o se negletta,
Se caso od arte il bel volto compose»⁹.

В следующем номере «Московского вестника» И. Киреевский писал о «Цыганах»: «...мастерство стихосложения достигло высшей степени своего совершенства и <...> искусство приняло вид свободной небрежности»¹⁰ (немного позднее станет очевид-

ной полемическая заостренность позиции Киреевского; в статье «О стихотворениях Языкова» (1834) он писал: «...на некоторой степени совершенства искусство само себя уничтожает...»). Проницательные суждения Любомудров о Пушкине не только выглядели оригинально, но и не получили, в сущности, продолжения в позднейшей критике. Пушкин для большинства в XIX в. — мастер, классичный и иногда несколько холодноватый, чья работа отличается безукоризненной правильностью, гармоничностью, точностью и другими свойствами формы; Пушкину в этом отношении противопоставляются лиричные, «искренние» и потому «небрежные» стихи Фета, Тютчева, Некрасова. И сам Шевырев в откровенно идеологизированные 40-е гг. будет, говоря о Пушкине, пользоваться расхожей антитезой «форма/содержание», будет находить у Пушкина «прелесть в отделке наружных форм <...> недостаток внутреннего развития»¹¹ (ср. аналогичные оценки у Гоголя в «Выбранных местах из переписки с друзьями», отчасти у Белинского в 40-х гг. и особенно — у революционных демократов).

* * *

Шевырев явно рассчитывал на то, что Пушкин примет участие в начале им разговоре о русской литературе. Давно обсуждается, как связан с шевыревскими октавами «Домик в Коломне» (написанный до перевода Шевырева, притом октавами вполне традиционными). Тынянов обратил внимание на смысловую близость статьи Шевырева и авторских деклараций в поэме Пушкина: Пушкину «надоел» четырехстопный ямб-«канapé», и проч.; возможно, здесь сказалось общение Пушкина и Шевырева в 1829 г. Некоторые следы этого общения есть, между прочим, в известном письме Пушкина Погодину от ноября 1830 г., говоря о языке современной литературы, Пушкин употребляет любимое словцо Шевырева — «чопорный»: «И мне Ваша свобода более по сердцу, чем чопорная наша правильность». Ср. у Шевырева: «Ухо русского народа давно признало созвучия, но вкус чопорной моды их не допускает»¹². Для современников слово «чопорный» стало сигналом, символом литературной позиции Шевырева: так, И.И. Дмитриев в 1835 г. в письме к Вяземскому с иронией говорит о «модном» слове «чопорный».

Сколько-нибудь отчетливо Пушкин на прямые обращения Шевырева к нему не ответил: «Послание» 1830 г. Пушкин практически обошел молчанием, а опыты с октавами сдержанно похвалил через третьих лиц. И дело здесь, видимо, в том, что, хотя Шевырев и уловил существенную особенность новой поэ-

зии — сближение с живой речью, его собственное творчество было слишком экспериментаторским, слишком опирающимся на теорию. А для литераторов карамзинистской традиции всякая теоретичность отзывалась педантством (см., например, у Вяземского: «Шевырев швыряет в нас Тассовыми октавами, в которых нет ни ладу, ни складу. Оно и не по-русски, и не по-итальянски, а разве по-Тредиаковски-Мерзляковски»).

Знаменательно, как Шевырев и его критики употребляют слово «усилие». Шевырев писал о себе: «Стихи мои слишком резки, часто жестки и даже грубы. Но этому есть причины <...> резкость есть неизбежная черта всякого нововведения в языке. Усилие должно быть резко — даже до грубости, а без усилия невозможно ничто новое»¹³. Белинский в «Литературных мечтаниях» с неодобрением пишет об опытах Шевырева: «...более усилия ума, нежели изливание горячего вдохновения». Литераторы старшего поколения неодобрительно называли поэзию Шевырева «изысканной»¹⁴. В шевыревской демонстрации усилий есть нечто напоминающее об архаическом понятии «преодоленной трудности», противоречащее как раз той естественности, на которой так настаивал и сам Шевырев, и его современники.

Примечания

- ¹ Цит. по: Вацуро В.Э. «Северные цветы». История альманаха Дельвига — Пушкина. М., 1978. С. 132. Любопытно, что имелась в виду статья не Шевырева, а Рожалина — рецензия на «Северные цветы на 1827 год», помещенная в XII номере «Московского вестника» за 1828 г.
- ² Русский архив. 1883. № 5—6. С. 149, 161, 168.
- ³ Галатея. 1830. № 6. С. 324.
- ⁴ Литературное наследство. М.; Л., 1934. Т. 16—18. С. 695—696.
- ⁵ Перечень взаимных доброжелательных жестов приведен в ст.: Маймин Е.А. А.С.Пушкин и С.П.Шевырев // Res philologica. Филологические исследования. М.; Л., 1990.
- ⁶ Шевырев С.П. О возможности ввести итальянскую октаву в русское стихосложение // Телескоп. 1831. № 11. С. 290.
- ⁷ Рукописный отдел РНБ. Ф.850. Оп. 17. № 4. 1830. 24 июля.
- ⁸ Телескоп. 1831. № 11. С. 290. Об авторстве этой статьи см.: Потапова Г.Е. М.П.Погодин — критик Пушкина (К вопросу об атрибуции нескольких статей в журнале «Московский вестник») // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1996. Вып. 27.
- ⁹ Мысли, замечания и анекдоты. 1928. № 5. С. 120—121 (Подпись NN).
- ¹⁰ Киреевский И.В. Нечто о характере поэзии Пушкина // Московский вестник. 1828. № 6.
- ¹¹ Москвитянин. 1841. № 9. С. 269—270.
- ¹² Телескоп. 1831. № 12. С. 486.
- ¹³ Московский наблюдатель. 1835. № 9. С. 7.
- ¹⁴ См. письмо Дельвига Баратынскому, процитированное в статье.